

Персидская проза тысячелетней давности очаровательно современна

Мотивы Востока робко и сладостно коснулись струн моей немецкой души еще в школьные времена.

Мотивы Востока робко и сладостно коснулись струн моей немецкой души еще в школьные времена. Арабские и персидские (на языке фарси) слова в той или иной форме, чаще всего искаженной, редкой жемчужиной вклинивавшиеся в обыденный казахский речестрой, ублажали мой слух, звучали льющейся невесть откуда музыкой, томили, будоражили, волновали. Это были какие-то осколки, знаки, фрагменты таинственного, сказочного мира, манящего и недоступного, окутанного хмарью зыбкого времени.

Г. Бельгер

Откуда этот смутный зов? Отчего сердце поволжского мальчишки-немца неизъяснимой усладой, точно трепет, пронзали звуки чужеземной, неведомой речи? Может, Абай невзначай взбудоражил дремотную душу, заронив в нее незнакомые имена и слова?

Фзули, Шәмси, Сайхали,
Науаи, Сағди, Фирдоуси.
Хожа Хафиз – бу һәммаси
Мәдәт бер шағири Фәрияд...

Непонятное манило, томило, ласкало слух, арабские и персидские слова и фразы в поэзии и прозаических гаклиях Абая звучали возвышенно, вдохновенно, будто не в человеческих устах, словно исходили от неземных пери или гурий. Слышалось в них нечто колдовское, чарующее. Особенным шиком казалось, подсев к какой-нибудь старшекласснице, с роду не слышавшей комплиментов, прочитав с придыханием, явно смущая ее, строчку-другую из раннего Абая:

Иузи – раушан, көзі-гәуһар,
Лағилдек бет үші әхмәр,
Тамағы қардан һәм биһтар

Қашың құдрәт қоли шигә.

Вроде бы и по-казахски, однако не совсем: непонятные слова как бы зачаровывают, будто молитва муллы, искушают, как азазель-искуситель. Смутной тяге ко всему восточному способствовал и мой учитель казахской словесности – Жылгельды Муканов, эстет, златоуст, артист, умевший в торжественных случаях, точно маг-волшебник, искусно плести слова, придавая им особенный лоск, блеск и шарм, неотразимый лад и склад. Делал он это без напряжения, изысканно: как бы снимал коросту с расхожих казахских слов, придавал им первоначальное – иноязычное – звучание и смак. Он произносил мягко, ласково: энсаф (ынсап), эхтият (ықтият), элтифат (ілтипат), сұхән (ұсқын), зәһр (зәр), заруар (зәру), мәшәккәт (машақат), мәмләкәт (мемлекет), мәһрбан (мейірбан), файда, фани жалған, хақиқат, хамал, бәчехар, бәрдеуат, ғадауат – боже, всех этих очаровательных слов-словечек я теперь и не упомяну, но музыка, мелодичный звон сохранились приятным отголоском в душе.

Казалось, Жылгельды-мугалим снимал с обыденных казахских слов заскорузлый чапан, тяжелый тымак, непомерные сапоги в кошомных чулках и обряжал в легкие, яркие, восточные одежды. «Тысячу и одну ночь» читали в послевоенном ауле повально. Упругий сюжет, обаятельный динамизм, диковинные кружева слов, отточенные назидания, своеобразная поэтика, чудотворный строй речи, сказочная вязь очаровывали и юношей, и старцев.

Я грезил Востоком! Я блуждал по караванным тропам древних стран. Ходил по тесным, глухим улочкам Багдада. Вслушивался в заунывный голос муэдзина. Я упоенно произносил где-то вычитанные слова-названия: «Кабус-намэ», «Гулистан», «Тоты-намэ», «Синдбад-намэ». Я еще не знал, кто и что относится к арабской или персидской литературе. Я воспринимал все это как нечто единое, родственное и, несомненно, очень близкое ко всему казахскому, в котором я уже кое-что понимал.

Студентом первого курса я впервые прочел «Кабус-намэ». Через год-два проштудировал впервые «Западно-Восточный диван» Гете. Потом по разным поводам обращусь к нему неоднократно. Восприму, впитаю в себя Восток через ощущения великого веймарца. Уже первое стихотворение этого дивного дивана – «Гиджра» – вновь всколыхнуло мою душу.

Север, Запад, Юг в развале,
Пали троны, царства пали.
На Восток отправься дальный,
Воздух пить патриархальный.
В край вина, любви и песни,
К новой жизни там воскресни.

То был трудный этап в моей жизни. Я был в растерянности. Душа в развале. Дискомфорт преследовал меня отчаянно. «К новой жизни там воскресни» чудилось спасением.

Там, наставленный пророком,
Возвратись душой к истокам,
В мир, где ясным, мудрым слогом
Смертный вел беседу с Богом,
Обретал без мук, без боли

Свет небес в земном глаголе.

Я, кажется, уже понимал тогда Гете, его мятущуюся душу, его всеохватное, страстное увлечение «светом небес в земном глаголе».

В мир, где предкам уваженье,
Где чужое – в небреженье,
Где просторно вере правой,
Тесно мудрости лукавой.
И где слово вечно ново,
Ибо устным было слово.

И мне чудилось, что только там, на Востоке, «слово вечно ново», что именно там «просторно вере правой». И стали моими кумирами («пір») Гете и Абай – два духовных собрата, чей поэтический и нравственный дух оказался соприроден и созвучен. И дивно слились во мне Запад и Восток. В их – Гете и Абая – лице я, этнический (русский и казахстанский) немец, обрел устойчивость и гармонию в этом вечно бурлящем мире.

Все эти мысли-раздумья пришли в мою голову не сейчас. Не в данный миг, когда я пишу эти строки. А сложились в течение шести лет, как я не расстаюсь с шикарно изданной, богато иллюстрированной, с любовью составленной Энциклопедией персидско-таджикской прозы в объеме около 70 печатных листов. От самого издания, дизайна, формата, оформления, буйно ярких вклеек веет восточной роскошью и пышностью.

Содержание двух книг в шести томах составляет средневековая персидская проза: «Кабус-намэ», «Синдбад-намэ». «Сказки» – народный роман о благородном юноше Хатеме, «Гулистан», «Бахаристан», «Тоты-намэ». (Здесь я должен внести уточнение: собственно, первая книга называется «Персидская проза» и вышла в 2006 году; через год эта же книга вышла вторично с единственным добавлением стихотворения «Гиджра» Гете; а в 2007 году увидела свет и вторая книга.)

Издатель – ИП «ДАР» – Ахмет Дюсенбаев, вице-президент Фонда Ильяса Есенберлина, известный психофизиолог, автор уникального труда «Анатомия души» («ДАР», 2005), человек увлеченный, целеустремленный.

Словесные узоры поэзии Омара Хайяма, Хафиза, Саади и многих других чародеев Востока известны и любимы издавна в разных переводах. Их цитирует не одно поколение разноязычных читателей во всем мире. И казахской литературе знакомы их блестящие переводы. (Правда, переводов непосредственно с персидского все же маловато – большинство опирается на русский посредник).

А вот о средневековой персидской прозе долгое время имели представление лишь специалисты-востоковеды и редкие любители изящной словесности.

Шесть броских и одновременно благородно-внушительных томов, с таким тщанием изданных А. Дюсенбаевым с комментариями, со вступительными статьями, с пояснением восточных реалий, с редчайшими иллюстрациями из сокровищ Посольства Исламской Республики Иран в Республике Казахстан, радуют душу самого привередливого, изысканного поклонника культуры Востока.

Чем привлекает современного читателя средневековая персидская проза?

Если быть максимально кратким, тем, что:

– реальность той далекой, увлекательной, своеобразной жизни сочетается с вдохновенным, затейливым вымыслом, погружающим нынешнего прагматичного и несколько очерствевшего сердцем читателя в мир, «где ясным, мудрым слогом смертный вел беседу с Богом»;

– цветистая, ароматная, диковинно-фантастическая, ярко-образная проза то и дело пересыпана мудрой и чувственной поэзией Востока, что придает ей особый шарм и элегантность;

– магия увлекательнейшего повествования о превращениях, путешествиях, о женском коварстве, о влюбленных, о духах-дивах, о скупых и жадных, о тупых и мудрых околдовывает, зачаровывает вас чистотой и первозданностью, незамутненностью чувств, восторгом мироощущения;

– слух ласкает чистота речений, высокий слог, омытый мудростью, чувственностью, жизнелюбием, неизбывной радостью пестрого бытия;

– сама форма изложения – «обрамления», «рамочная повесть», полуфантастические странствия, очаровательные назидания, волнительная дидактика, неназойливые советы, отшлифованные опытом многих поколений и аурой своеобразной ментальности орнаментальная стилистика, плетение словесных кружев – все эти притягательные «элементы», как томящая музыка, как сладостное пение и соблазнительные танцы небесных гурий, волнуют, будоражат, поражают, умиляют самого черствого современного читателя;

– неоценимое значение имеют эти творения восточного духа в воспитании художественного вкуса читателя. Ощущение такое, будто ты испил глоток воды из священного родника зямзям.

В суете повседневных забот, в изнурительной борьбе со всевозможными кризисами, душевными сомнениями, дискомфортом и стрессами нет лучшего средства для спасения живой души, чем, отключаясь от всех треволнений, в тиши, наедине с собой, с наслаждением читать средневековую мудрую персидскую прозу, всецело окунаясь в диковинный, спасительный мир Востока, где сосредоточился многовековой опыт и чувственность человечества, где счастливо сосуществуют диковинный быт и изощренная фантазия.

У меня такое ощущение, что время и пространство воспринимаются Востоком и Западом по-разному. Запад все более привязан к «теперешнему», данному, конкретному, строго ограниченному времени и пространству; на Востоке время и пространство тяготеют все более к категории вечности. Персидская проза тысячелетней давности очаровательно современна!

Она понятна и жизнеутверждающая во все века. И тут приходит в голову мысль Льва Толстого: «Я не понимаю и не люблю, когда придают какое-то особенное значение «теперешнему времени». Я живу в вечности, и поэтому рассматривать все я должен с точки зрения вечности. И в этом сущность всякого дела, всякого искусства. Поэт только потому поэт, что он пишет в вечности». Видно, это ощущение вечности восточного мировосприятия и прельщало в свое время Гете.

Конечно, у каждого прилежного читателя есть книги, к которым он обращается вновь и вновь. Такие книги есть и у меня. Порой душа как бы иссыхает, оскудевает, сплин охватывает все твоё существо, и белый свет, случается, становится не мил. Мучительная пора для творческого человека. Белый лист бумаги манит и отвращает, перо не бежит, не скрипит, буксует, сердце глухо, и в голове будто сквознячок гуляет, мысли вспорхнули и улетели, как стая птиц. И тогда меня, например, спасают, как бы аккумулируют, настраивают на действие:

- Бунин (с его девяти томником не расстаюсь десятилетиями);
- Гете и Абай в оригинале, перед аруахами которых постоянно испытываешь стыд и неизбежную вину за свое невежество и бездарность;
- огромный том-альбом «Томас Манн», содержащий 1,5 тысячи фотографий и текстовых иллюстраций из произведений немецкого классика – подарок германского посла в Казахстане господина Бракло к моему 60-летию;
- персидская проза в шести томах.

Они-то и поддерживают мой дух, спасая от уныния. Вновь возвращают к жизни, дают энергию и стимул. Давно я осознал: самое страшное в мире – духовная опустошенность, нищета духовной культуры. Очевидная эта истина ныне не в чести.

Ныне сплошь помешались на долларах, на неумной жадности, на кризисах и разных неурядицах. Надеюсь, пройдет, как и все на свете. Ибо человек должен (вынужден, обречен) понять, что украшение жизни, бытия, Вселенной – он. Только он, один он.

Омар Хайям это прекрасно понимал почти тысячу лет тому назад:

Сомненья нет, что цель творенья – это мы,

Что разума источник зренья – это мы.

И если мирозданье наше – перстень,

То лучшее в том украшенья – это мы.

Герольд Бельгер